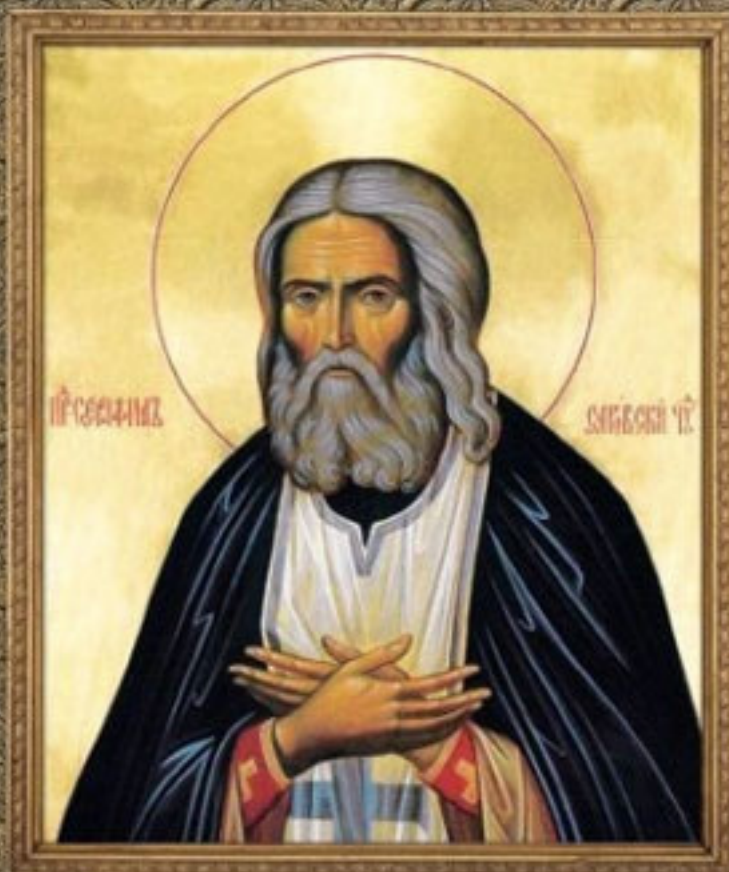

ПРИЧАСТНИКИ
БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

Преподобный
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

Преподобный Серафим Саровский

«Благовест»

2011

Преподобный Серафим Саровский / «Благовест», 2011

Книга «Преподобный Серафим Саровский» включает в себя жизнеописание святого, молитвы и акафист преподобному Серафиму, а также Серафимово правило. В него вошли письменные наставления преподобного и его устные поучения; воспоминания современников, свидетельствовавших о благодатном влиянии сего угодника Божия и его благодатной помощи. Также сборник включает в себя подробную историю прославления преподобного Серафима и историю второго чудесного обретения его мощей. Книга рассчитана на широкий круг православных читателей.

, 2011

© Благовест, 2011

Содержание

Предисловие	6
Житие	7
Рождение и детство преподобного Серафима	7
Юность – выбор жизненного пути	9
Послушник в Сарове	11
Болезнь и исцеление после видения Богородицы	13
Дьяконское служение и основание Дивеевской общины	14
И удаление в пустыню	17
Подвижничество в уединении	18
Искушения и страхование от бесов	20
Нападение разбойников и явление Божьей Матери	22
Кончина игумена Исаии и подвиг молчальничества в пустыне	24
Возвращение в обитель и уход в затвор	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Состовитель Анна Маркова
Преподобный Серафим Саровский

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС11-025-2770)*

Предисловие

Преподобный Серафим – святой, чью жизнь отделяют от нас несколько веков, близок и дорог православным. Недаром к его мощам стекается огромное количество страждущих, просящих преподобного о помощи. Как в земной жизни он был помощником и молитвенником о всех, приходящих к нему; так и отойдя в вечность, преподобный не оставляет никого без своей помощи.

Не менее чем помощь преподобного, притягателен и сам его образ смиренного подвижника – старца Серафима. Он боролся с нечистой силой «как со львами и леопардами», в пустыне стоя на камне тысячу дней и ночей. Он простил обидчиков, искалечивших его, и готов был оставить Саровскую обитель, если избившим его крестьянам «будет причинено какое-либо наказание». Он сподобился великих и многократных явлений Царицы Небесной, не раз свидетельствовавшей: «Сей – от рода нашего». Он всякого приходящего к нему называл «радость моя», и распространил свою любовь не только на ближних, но и на лесных зверей. Эти и многие, многие другие моменты из жития преподобного Серафима вот уже около двухсот лет привлекают к преподобному все новых и новых почитателей. А воспоминания современников преподобного, в настоящее время вновь ставшие доступными, делают образ о. Серафима объемнее и ближе.

Благодаря тому, что преподобный Серафим жил относительно недавно и был почитаемым подвижником, кроме жизнеописания и воспоминаний – свидетельствах внешней жизни преподобного, до нас дошли также и свидетельства о его внутренней жизни – письменные и устные наставления; и беседа о стяжании Святого Духа, рассказ о которой сохранился в записи одного из духовных чад о. Серафима – Н. Мотовилова.

Все это является настоящей сокровищницей духовной пищи, пригодной для всех – и для людей духовно опытных, и для новоначальных, и для тех, кто избрал монашеское житие, и кто предпочел спасение в миру.

Данный сборник включает в себя жизнеописание святого, молитвы и акафист преподобному Серафиму, а также Серафимово правило. В него вошли письменные наставления преподобного и его устные афоризмы; воспоминания современников, свидетельствовавших о благодатном влиянии преподобного, и свидетельства о его благодатной помощи.

Также сборник включает в себя подробную историю прославления преподобного Серафима и историю второго чудесного обретения мощей преподобного. Очень важны приводимые здесь свидетельства непосредственных очевидцев и участников возвращения мощей преподобного в Дивеевскую обитель.

Также в сборник вошли рассказы о двух непосредственно связанных с преподобным Серафимом монастырях – Саровской пустыни и Дивеевской обители.

Анна Маркова

Житие

Рождение и детство преподобного Серафима

Преподобный Серафим Саровский – уроженец древнего города Курска – земляк другого великого преподобного, Феодосия Печерского.

Будущий преподобный Серафим родился 19 июля 1759 года в купеческой семье Мошниных. Родители преподобного, Исидор и Агафья Мошнины, уже имели двоих детей – дочь Параскеву и сына Алексея. Их третий, младший ребенок, во святом Крещении был назван Прохором – в честь апостола Прохора, память которого празднуется 28 июля.

Купеческое семейство Мошниных было состоятельным и благочестивым. Исидор Мошнин имел лавку, кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройкой каменных зданий: церквей и домов. Также Исидор Иванович был знаменит честностью, твердою верой и истовым благочестием. Еще более украшалась добродетелями мать будущего преподобного, Агафья Фотиевна: она отличалась милосердием к бедным; в особенности же помогала сиротам-невестам выходить замуж. Но кроме этого, она была одарена и глубоким разумом, и мужественною душою.

Еще в 1752 году Исидор Мошнин взялся за сооружение большой церкви во имя преподобного Сергия Радонежского по плану знаменитого архитектора Растрелли. Но благочестивый купец за последние десять лет своей жизни успел закончить лишь нижний храм святого Сергия. В 1762 году когда нижняя церковь была готова, он умер, передав все дела умной, распорядительной жене своей Агафьи Фотиевне. Самому будущему преподобному в это время было только три года.

Агафья Мошнина, хотя и не была подрядчицей в техническом смысле этого слова, в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви, лично наблюдая за всеми строительными и отделочными работами.

Первое чудо в жизни преподобного связано именно с этой стройкой. Когда Прохору было около семи лет, мать его, отправляясь на стройку, взяла его с собой. Осматривая колокольню, Агафья Мошнина поднялась на самый верх, где не были еще утверждены перила. Прохор не отставал от нее; резвый, как все дети, он захотел посмотреть вниз. Неосторожно подойдя к краю, он с огромной высоты упал на землю. Испуганная мать в ужасе сбежала с колокольни, думая найти своего сына разбитым до смерти. Но, к несказанной радости ее и общему изумлению, она увидела его целым и невредимым. Тогда Агафья Фотиевна слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что ее сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Вскоре после этого случая Агафья Мошнина увидела еще одно свидетельство особого промысла Божия о ее младшем сыне. Идя по городу вместе с сыновьями, она встретила одного почитаемого в Курске юродивого. «Божий человек», обратив внимание на Прохора, сказал его матери: «Блаженна ты, вдовица, что у тебя такое детище, которое со временем будет крепким предстателем пред Святой Троицею и горячим молитвенником за весь мир!»

А несколько лет спустя, когда Прохору Мошнину было около десяти лет, с ним произошло еще одно чудо. Прохор, мальчик весьма крепкого сложения и привлекательной по живости и красоте наружности, вдруг сильно заболел, и снова Агафья Фотиевна стала опасаться за жизнь своего любимого сына. Положение казалось безнадежным, но в самый критический момент болезни мальчику во сне явилась Божия Матерь с обещанием лично прийти и исцелить его. Он рассказал об этом сне матери – вместе они молились и ждали исполнения обещанного Царицей Небесной.

Вскоре их молитвы были услышаны. В то время по улицам Курска часто устраивали крестные ходы с иконой Знамения Божией Матери. Крестный ход шел по Сергиевской улице, где они жили. Вдруг разразился сильный дождь. Для сокращения пути икону понесли через проходной двор Мошниных. Увидев это, Агафия Мошнина поспешила вынести больного сына и приложить его к чудотворной иконе. Затем икону пронесли над мальчиком.

С этого времени он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Со времени чудного исцеления жизнь Прохора протекала спокойно. По природе своей он одарен был исключительными способностями светлого ума, сильной памяти, сердечной впечатлительности, которые сохранились до самой смерти; поэтому, за что бы он ни брался, он все усваивал быстро и прочно. Так было и с грамотой. По мудрому и благочестивому обычаю старых времен обучение начиналось с Часослова и Псалтири, а потом переходило к Библии, житиям святых и другим духовным книгам, питая знаниями ум, а благочестием – сердце. Прохор весьма скоро научился книжному искусству, и все свое свободное от молитвы и занятий время отдавал чтению.

С самого детства он сделался серьезным. Как и многие иные святые, отрок чуждается обычных детских забав и игр, и ищет себе товарищей, подобных по духу. Из них пять его друзей определяют себя на иночество: двое из них уйдут с ним вместе в Саров, а двое других – в иные монастыри; и лишь один останется в миру, да и то потому, что на его попечении останутся, по смерти родителей, пять братьев и три сестры.

Большое влияние на Прохора в эту пору его жизни имел тот самый юродивый, который некогда предсказал Агафии Фотиевне, что ее младший сын станет молитвенником за весь мир. Часто беседуя с Прохором, он окончательно укрепил его в духовной жизни.

Юность – выбор жизненного пути

Подрастая, Прохор не мог остаться в стороне от семейных забот. К тому времени старший брат его Алексей, занимавшийся торговлей и имевший свою лавку в Курске, брал Прохора себе в помощники, в лавку; там мальчик постигал искусство купли, продажи и получения барыша. Преподобный впоследствии рассказывал: «Я родом из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше нужен был крестьянам: дуги, шлеи, железо, веревки, ремни и т. п.»

Юный Прохор не отказывался и от этих трудов, но сердце его было уже отдано Богу. Однако он сначала старался совместить и то и другое: рано, зимой, еще до света, спешил он в храм к заутрене, а потом отдавал день занятиям по торговле. Но чем дальше шло время, тем больше убеждался юноша, как трудно совместить всецелую любовь к Богу со служением миру. «Невозможно, – поучал он после, – всецело и спокойно погружаться в созерцание Бога, поучаться в законе Его и всей душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди неумолчного шума страстей, воюющих в мире». И потому он мечтал об уединенной тихой обители, где бы он мог всецело отдаться духовной жизни и пламенной серафимской любви к Богу. Сверстники, с которыми он делился своими мыслями – Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин, поддерживали его в этих стремлениях. Книги указывали путь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно, боясь огорчить мать, признавал, будет ли она против того, чтобы ему пойти в монастырь. Агафия Мошнина, будучи женщиной умной и благочестивой, конечно, заметила духовные устремления своего младшего сына, и не противодействовала им.

Когда же он открыл свои заветные думы любимой матери, она с кротостью приняла и этот крест, усмотрев в нем святую волю Божию: святая мать добровольно соглашается отдать сына Богу. Тогда Прохор хлопочет об увольнительном свидетельстве от Курского общества для поступления в монашество; и, как свободная птица, решает сначала отправиться в Киево-Печерскую обитель вместе с пятью своими единомышленниками.

Перед паломничеством в Киев Прохор трогательно простился с родными. Сначала, по благочестивому обычаю, молчаливо посидели. Потом святой юноша встает и кланяется родимой матери в ноги, прося у нее благословения на иночество. Мать, прежде всего, дала сыну приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, а потом благословила его на крестный путь большим медным крестом. И это благословение преподобный всегда носил открыто на груди, до самой смерти. С ним и скончался.

Оставив тихий родительский кров и родной Курск, шестеро богомольцев направили стопы свои к колыбели Русской Земли, богоспасаемому Киеву. По обычаю, на богомолье было решено идти пешком, а пройти надо было из Курска в Киев около 500 верст.

Благополучно дошли паломники до Киева, молились Богородице, поклонялись мощам угодников и осмотрели все святыни. В то время славился жизнью и даром прозорливости старец Досифей – затворник, спасавшийся в Китаевской обители, верстах в десяти от Лавры.

Преподобный Досифей ныне прославлен Церковью как местночтимая святая. Это была незаурядная личность, необычен и ее жизненный путь. В миру преподобный был девицей из дворян Дарьей Тяпкиной. С юности она стремилась к монашеству, но из-за активного противодействия родных вынуждена была, переодевшись мужчиной, скрываться в мужских обителях. Так она и была пострижена во иночество с мужским именем Досифей. Лишь по кончине подвижника, братия узнала, кто был инок Досифей, тогда же на погребении пропавшую Дарью опознали и родные.

Но, конечно, обращаясь к старцу Досифею за советом, Прохор Мошнин тогда и предположить не мог, каков был путь киевского подвижника. Инок же Досифей, увидев его, прозрел в

нем благодать Божию, и решительно благословил идти в Саровскую пустынь. При этом он дал такой завет: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия».

В этих немногих словах пророчесвенно не только было указано место подвижничества Прохору, но и определено было главное «обучение» монашеское – внутреннее делание молитвы Иисусовой. Этот благодатный завет воспринял и вложил в сердце свое к неуклонному исполнению чуткий, горевший уже духом Прохор. А спустя много лет, в поразительной беседе с И. А. Мотовиловым, мы уже от него самого услышим те же самые заветы: «Цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия: дивная цель духовная!»

После беседы с иноком Досифеем Прохор исповедовался, и, причастившись Святых Таин, отправился на родину в Курск.

Прохор еще около двух лет прожил дома. Но он жил там лишь телом, а душа его стала умирать ко всему земному: он еще ходит и в лавку, но в торговле уже не принимает никакого участия; время же свое проводит в молитве, безмолвном богомыслии, чтении книг и душеспасительных беседах с приходящими. Так мирно, как в свое время преподобный Сергей Радонежский, молодой Прохор готовился покинуть свой дом.

Когда пришел час его, взял он котомку на плечи и посох в руки, собравшись туда, куда указал ему идти прозорливый Досифей. И матери оставалось лишь еще раз благословить Прохора, чтобы, как думала она, больше не увидеть его на земле. Саров был слишком далеко для нее. Было ему в ту пору 19 лет. С Прохором пошли и двое из сопаломников его по Киеву, другие же двое ушли в иные монастыри еще раньше.

Послушник в Сарове

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Богоматери, 19-летний Прохор с товарищами пришел в Саров.

Обитель стояла далеко от больших дорог и проездных путей; долог и труден был путь к ней через дремучие леса. Перед ними среди монастырского двора высился огромный пятикупольный главный храм обители, в честь Успения Божией Матери, только год тому назад отстроенный при игумене Ефреме. Видом своим он весьма напоминал далекую церковь Успенской Киевской Лавры.

Недавно еще поставленный игумен, о. Пахомий, соборно совершал торжественное праздничное богослужение. Все исполнялось чинно и по Уставу: настоятель был строг в соблюдении церковных и монастырских порядков. Радовалась душа Прохора.

На другой день саровский настоятель о. Пахомий с радостью встретил своих земляков – курских паломников. Особенное внимание обратил о. Пахомий на Прохора, родителей которого он хорошо знал еще по Курску. Прозревая в нем великий дух будущего подвижника, он передал его для духовного руководства в опытные руки ближайшего своего сотрудника и друга, мудрого и любвеобильного казначея о. Иосифа; от него Прохор принял и первое свое послушание – келейника.

Скоро новонаначального Прохора, как и всех других насельников монастыря, стали проводить по разным, более трудным физически, послушаниям: он был и в хлебной, и в просфорне, и в столярной. В столярне нес он послушание несколько лет, вырезая кипарисные кресты и делая кресты для могил. Усердие его было так велико и умение настолько искусно, что за ним установилось название «Прохора-столяра». Затем исполнял обязанности будильщика монахов, церковного пономаря; был и на клиросе, ходил на общие послушания – рубку леса, пилку дров.

Сам преподобный Серафим, вспоминая свои молодые годы, говорил: «Вот и я, как поступил в монастырь-то... на клиросе тоже был, и какой веселый-то был... бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныние нападает на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют... ведь веселость не грех... она отгоняет усталость, да от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет, оно все приводит с собою...»

О том, как проходила его внутренняя жизнь в данный новонаначальный период, когда закладываются главные основы монашеского воспитания, нам известно немного. В основном это внешние проявления той внутренней жизни, которой жил молодой послушник.

В определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно раньше на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. Сам он впоследствии, исходя из своего опыта, давал новонаначальным послушникам такой совет: «В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, с внутренним вниманием; открывать же очи – разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи должно обращать на образ и на горящую пред ним свещу».

Что касается подвигов, то в первое время своего монашества он, хотя держал себя в общем непрестанном и строгом воздержании, но не выходил из меры. И других учил потом так же по общему святоотеческому наставлению о «царском» пути: «Выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей. Надобно идти средним путем». Уже в то время будущий преподобный понял, что особое внимание следует уделять хранению мира душевного.

В то время главным подвигом послушника Прохора было чтение. Этот подвиг он называл «бдением». Евангелие и послания Апостолов он читал пред иконами и непременно стоя, в молитвенном положении. Как он сам говорил впоследствии: «От сего чтения бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». Кроме того, он постоянно читал жития святых и святоотеческую литературу: творения святого Василия Великого, преподобных Макария Египетского, Иоанна Лествичника, «Маргарит», Добротолюбие, и другие.

По словам одного из агиографов преподобного Серафима, В. И. Ильина, «острая, исключительная память и неустанное прилежание помогли ему овладеть Священным Писанием, святоотеческой житийной литературой и аскетической в небывалых размерах. Про него можно сказать, что он был как бы упитан святой письменностью».

Какова была борьба у Прохора с плотскими движениями? В своих наставлениях он говорит: «Человеку в младых летах можно ли гореть и не возмущаться от плотских помыслов?!» Следовательно, не свободен и он был от этих приражений естества. Но эти страсти не имели в нем материала: чистый от юности, он без труда преодолевал находящиеся на него помыслы; и даже обращал эти искушения врагии в поводы к добру тем, что противился им: «В этих нападениях, – учил он, – тотчас же нужно обращаться с молитвою к Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится в человеке пламень страстей».

Со временем душа Прохора возжаждала более строгого подвига. Видя примеры пустынножительства игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, он испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Получив благословение, Прохор нашел в лесу уединенное глухое место, где и построил себе шалаш. В своей первой пустыньке он предавался богомыслию и совершал правило преподобного Пахомия Великого. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш; Господи, помилуй – 12 раз; Слава и ныне; Приидите, поклонимся – трижды; 50 Псалом; Помилуй мя, Боже; Верую. Затем 100 молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, и в конце – Достойно есть и отпуст.

Впоследствии он говорил об этом так: «Если не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание. И за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость».

Вступление на подвиг пустынножительства не обошлось без искушений. Дьявольские нападения внушали послушнику помыслы скуки и уныния. Но чем более восставал враг, тем сильнейшую брань воздвигал на него Прохор и тем пламеннее становился его дух.

Болезнь и исцеление после видения Богородицы

Через два года после вступления в монастырь, в 1780 году, Прохор тяжело заболел водянкою: он весь распух и большею частью лежал в келье неподвижно. Но ни единого слова ропота никто не слышал от него, он старался с терпением и благодарением переносить свою болезнь, чтобы она вменилась ему вместо подвига. Игумен Пахомий и старец Иосиф, горячо полюбившие послушника, с любовью ухаживали за ним.

Состояние его, как и при первой серьезной болезни в детские годы, казалось безнадежным. Отец Пахомий стал настойчиво предлагать обратиться к врачу или, по крайней мере, пустить кровь. Но Прохор кротко ответил ему: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством, причастием Святых Тайн».

Тогда старцы оставили мысль о помощи земных врачей. Старец Иосиф с усердием отслужил бдение и Литургию о здравии болящего, исповедал и причастил его в келье. Прохор стал поправляться. Много-много лет спустя старец рассказывал одной инокине дивеевской, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Она сказала Иоанну: «Сей – от рода нашего!» Затем: «Правую-то ручку, радость моя, положила мне на голову, а в левой ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла. И спасла Царица Небесная убогого Серафима. А рана пребоольшая была; и до сих пор яма-то целая».

После этого видения здоровье его стало быстро поправляться, и братия немало тому дивилась, ничего не зная о чудесном явлении. В этой смертельной болезни умерло в Прохоре человеческое: отныне он – уже не земного «рода», а небесного.

В следующем году, после выздоровления святого, на месте этой кельи начали строить больничный корпус с двухэтажной церковью. В нижнем этаже храм был освящен в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, в верхнем – в честь Преображения Господня.

Когда Прохор вполне окреп, игумен Пахомий послал его собирать деньги на украшение этой церкви. Прохор с особым усердием принял новое послушание – сборщика; обходя города и селения, он дошел и до Курска. Здесь Прохор узнал, что мать его уже умерла. Брат же его Алексей пожертвовал на постройку саровской церкви немалую сумму. И тогда уже, при свидании с братом, подвижник проявил дар прозорливости, открыв брату время его кончины.

По возвращении в Саров, послушник Прохор сделал кипарисовый престол для нижнего этажа больничного храма в честь преподобных Зосимы и Савватия. До конца дней это место было для преподобного особым – именно здесь явилась ему Богородица, исцелившая его от водянки. Он любил посещать этот храм и причащаться в нем Святых Тайн. В нем он приобщился и накануне блаженной кончины своей, 1 января 1833 года.

Монашеский постриг,

Дьяконское служение и основание Дивеевской общины

Прошло восемь лет с того времени, как Прохор вошел в Саровскую обитель, и было ему уже 27 лет. Наружный вид его к этому времени изменился: он был высоким, мужественно сложенным и сильным. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него было полное, белое лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные; густые брови и густые светло-русые волосы, окладистая борода и усы.

Имел он ум светлый, память острую, сердце милостивое, волю твердую и дар слова живой и обильный, а речь столь действенную, что слушатели получали от нее всегда душевную пользу.

Он был всеми в обители любим и почитаем, особенно же строителем обители, отцом Пахомием, который любил его, как свою душу. Пройдя все степени монастырского искуса, послушник Прохор был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года, с соизволения Святейшего Синода, о. Пахомий постриг послушника Прохора во иночество. Причем без ведома его и выбора ему было дано имя Серафим, что значит, с еврейского языка, и «пламенный», и «согревающий». И это имя, несомненно данное ему за его горение духа, он оправдал вполне и своею пламенною любовью к Богу и Божией Матери, и теплой лаской к людям. Восприемниками его при пострижении были старцы Иосиф и Исаия.

С первых дней монашества преподобный Серафим усилил молитвенный подвиг, несмотря на то, что ему пришлось отказаться от уединения и подвизаться совместно со своими духовными отцами игуменом Пахомием и старцем Исаией, который был дан ему в духовные отцы при его постриге. Он вверился им с детским послушанием в ответ на их крепкую любовь к нему.

27-го октября 1786 года монах Серафим, по ходатайству о. Пахомия, был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона.

Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев, почти непрерывно находился в служении.

Строитель о. Пахомий привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы и, уезжая из обители по делам или для служения где-нибудь, брал его обыкновенно с собой.

Ночи накануне служения преподобный Серафим проводил в бодрствовании и молитве, а по окончании каждой службы долго оставался в храме, приводя в порядок священную утварь и ризницу. Господь, видя его усердие, подавал ему необычайную крепость, так что он не чувствовал трудов и, уходя в келью для краткого отдыха днем, жалел, что человек не может непрерывно, подобно Ангелам, служить Богу. При этом он был всегда весел. «Веселость, – говорил он, – отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собой». Поэтому всегда, даже в церкви на клиросе, он был веселым; когда братия уставали и уныние нападало на них, так что и пение не ладилось, он подбадривал всех веселым и ласковым словом, и они переставали чувствовать усталость. «Ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо, и в храме Божиим не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтоб у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был – вовсе не грешно», – говорил он. И в такой непрестанной благодатной радости и духовном веселье проходил он свой дьяконский подвиг.

Также во время дьяконского служения на преподобного Серафима было возложено послушание, которое он пронес через всю жизнь и не оставил и по преставлении. Это попечение о дивеевской общине.

В 1789 году, в начале июня, о. Пахомий с казначеем о. Исаией отправились в село Леметь Ардатовского уезда Нижегородской губернии на погребение благодетеля монастыря, помещика Александра Соловцова. По обычаю, о. игумен взял с собой иеродиакона Серафима.

По дороге они заехали в Дивеево – навестить основательницу общины, блаженную Агафию Семеновну Мельгунову, в монашестве Александру. Рано овдовев, Агафья Семеновна, богатая помещица нескольких губерний, посвятила жизнь своим странствованиям по святым местам, а также делам благотворения. Однажды, во время пребывания ее в Флоровском Киевском монастыре, ей явилась Пресвятая Богородица с повелением идти к северу России и остановиться на том месте, какое ей будет указано: там со временем возникнет славная обитель. Когда Мельгунова, по пути в Саров, дошла до села Дивеева и, присев отдохнуть на бревна у сельской церкви, забылась от усталости, ей вновь явилась Царица Небесная с повелением остаться на этом месте. Агафия Семеновна поселилась у сельского священника, где, ища подвигов и уничижения, исполняла всю черную работу. Кроме того, она широко, но в тайне благотворила крестьянам. Деньги, полученные ею от продажи ее имений, она употребила на возведение нескольких и украшение многих храмов. В том числе она сделала большое пожертвование на строительство каменного храма в Дивеево. Около нее собрались жить несколько благочестивых женщин, что и составило первоначальную общину Дивеевского монастыря.

Ко времени визита в Дивеево саровских старцев мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, осособовать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но она повторила свою просьбу и сказала, что они уже не застанут ее в живых на обратном пути.

Прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела: мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам, так как сами они не сумеют этим распорядиться. Также она просила поминать ее в Сарове и не оставить без попечения ее сирот. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной, и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодетелей твоих не забудет, а впрочем, не даю тебе слово, ибо я стар и слаб; но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим – духовность его тебе известна, и он молод – доживет до этого; ему и поручи это великое дело».

Тогда основательница общины обратилась к преподобному Серафиму и просила его не забывать дивеевских сирот, так как «Царица Небесная Сама тогда наставить его изволит».

Старцы уехали. На обратном пути, 13 июня, они поспели как раз к погребению ее. Отслужив литургию и отпев первоначальницу Дивеевской общины соборно, саровские старцы похоронили ее напротив алтаря Казанской церкви.

В этот день шел проливной дождь так, что ни на ком не осталось сухой нитки; саровские отцы решили было заночевать в Дивеево, но иеродиакон Серафим по своему целомудрию не остался даже на поминальный обед в женской обители. Тотчас же после отпевания он, взяв благословение, пешком ушел в свой монастырь под дождем.

Проходя дьяконское служение, о. Серафим удостоился великого духовного откровения. Вот как рассказывал об этом он сам: «Случилось мне служить с отцом Пахомием в святой и великий четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно – вечернею. После малого входа и паремии возгласил я, убогий, в царских вратах: «Господи, спаси благочестивых и услыши ны!» и, вошедши в царские врата, и наведя орарем на народ, окончил: «И во веки веков», – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами и Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат

грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Преподобный изменился видом и, пораженный божественным видением, не мог сойти даже с места у Царских Врат. Заметив это, о. Пахомий послал двух других иеродиаконов, которые, взяв его под руки, ввели в алтарь. Около двух часов стоял он там неподвижный. Лицо его изменялось поминутно: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго еще он не мог ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Господа.

После окончания богослужения старцы спросили его: «Что случилось?» И о. Серафим, ничего не таивший от своих духовных отцов, поведал им все. Они дали завет ему: ограждать себя молчанием и еще более углубляться в смирение, опасаясь надмения от такого необычного видения.

Священническая хиротония

И удаление в пустыню

Игумен Пахомий, друг родителей диакона Серафима с молодых лет, несомненно давно уже знавший необыкновенную духовную одаренность их младшего сына – послушника своего, вовсе не спешил проводить его по ступеням духовного пути: 8 лет Серафим был послушником, 7 лет – диаконом.

В 1793 году преподобному Серафиму исполнилось 54 года. В том же году, согласно распоряжению Святейшего Синода, Саровская обитель была передана из Владимирской епархии в Тамбовскую. Поэтому, вместе со старшей братией, которые тоже видели подвиги и святое житие молодого инока, о. настоятель обратился с ходатайством о рукоположении его в сан иеромонаха к Феофилу, епископу Тамбовскому. И 2 сентября 1795 года о. Серафим в Тамбове рукоположен был в иеромонаха.

После того, как епископ Тамбовский рукоположил диакона Серафима во иерея в Тамбове в 1795 году, новопоставленный служил долгое время ежедневно.

Но через год от почти непрерывного стояния у преподобного Серафима ноги до такой степени опухли и покрылись ранами, что он уже не в состоянии был продолжать священническое служение. Болезнь эта была серьезным побуждением к избранию пустынножизни. На это и указано было официально, как на первую причину. Но главное внутреннее основание было духовное: «По усердию... единственно для спокойствия духа. Бога ради».

К тому же о. игумен доживал последние дни свои. Преподобный был при нем неотходно и служил ему с горячим усердием, помня, как настоятель с любовью ухаживал за ним в течение трехлетней его болезни. Незадолго до кончины о. Пахомия преподобный Серафим испросил у него благословение на пустынножительство. Перед смертью строитель Пахомий благословил иеромонаха Серафима на жизнь в пустыни.

Одновременно он поручил преподобному заботу о Дивеевской общине. Это произошло следующим образом. Однажды о. Серафим заметил в лице о. Пахомия какую-то особую заботу и грусть.

– О чем, отче святой, – спросил он старца, – так печалишься ты?

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил болящий, – кто их будет назирать после меня?

Тогда преподобный, обычно столь смиренный и в особенности осторожный к женскому полу, обещал умиравшему продолжать его дело: это было внушением Духа Божия и волею Царицы Небесной. Отец Пахомий обрадовался и в благодарность поцеловал Серафима.

6 ноября 1794 года строитель Саровской пустыни о. Пахомий отошел ко Господу. На его место был избран о. Исаия – старец преподобного по постригу. С благословения нового настоятеля о. Исаии, 20 ноября 1794 года, он удалился в лесную келью. Впоследствии он, отвечая на вопрос о причинах, побуждающих к удалению в пустыню, говорил так: «И удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому неуместительно быть там, где словом и делом прогневаются Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что при множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых; как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей, и спасешься!»»

Подвижничество в уединении

Деревянная келья, куда удалился о. Серафим, была расположена в пяти верстах от монастыря, на берегу реки Саровки, в дремучем сосновом лесу. Это была небольшая избушка, состоявшая из печки, сеней и крыльца.

Икона Божией Матери в одном углу, печь в другом, обрубок дерева, заменявший и стол и стул, глиняный горшок для сухарей – вот и все убранство этой «дальней пустыньки». Под полом кельи был устроен тесный подвал, может быть, для хранения овощей. Но о. Серафим пользовался им для уединенной молитвы. Вокруг нее преподобный развел маленький огород, на котором выращивал картофель, капусту, лук, свеклу и т. п. Одно время он завел даже пчельник, но после оставил это занятие – вероятно, потому, что оно отвлекало его от внутренней жизни. Здесь подвижник провел тоже почти шестнадцать лет.

В пустыне душа преподобного жила внутренней молитвой, которая давно уже сделалась непрестанной. Большею частью он совершал богослужение по обычному распорядку: после полуночи читал правило св. Пахомия, потом утренние молитвы, полунощницу, утреню и т. д. – до повечерия включительно. Иногда же он заменял уставные службы земными поклонами с молитвою Иисусовой: так, вместо вечернего правила, клал тысячу поклонов. Но сверх этого, о. Серафим был всегда в непрестанной «памяти Божией» и богомыслии. Иногда, занимаясь каким-либо делом на огороде, он вдруг, незаметно даже для себя, выпускал из рук мотыгу и погружался духом своим в горний мир; или отрубил один, два, три куска дерева и, опустив топор, застынет в созерцании тайны Пресвятой Троицы – Единицы и молитвенном возношении к Ней.

В том же лесу жили отшельники – отцы Назарий, Марк и Досифей. Приходя к о. Серафиму, они заставляли его в таком положении, что он ничего не замечал, и, иногда прождав перед ним около часу, они так и уходили незамеченными им.

Чтение слова Божия по-прежнему занимало у него довольное время; но и оно являлось для него иным лишь способом к единой цели – зрению иного мира. «Священное Писание, – говорил он после, – должно читать для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в небесные обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом».

Живя горним миром, преподобный даже окружающим местам дал имена, напоминавшие ему о небесных жителях и святых событиях – гору свою он назвал Афном. Другим окрестным холмам преподобный дал имена святых мест Палестины: у него были свой град Иерусалим, Голгофа, Вифлеем, Назарет, Фавор, Иордан, Кедрон.

В своем мысленном Назарете, в память Благовещения Архангела Пресвятой Деве Марии, он пел акафист; в Вифлеемской своей пещере он созерцал умными очами Превечного Младенца, поклонялся Ему с пастухами и вместе с небесными силами воспевал: «Слава в вышних Богу». Нагорную проповедь любил читать на одном возвышенном холме близ реки. Спускался он часто и под гору к реке, «на пол потока Кедрона», и там вспоминал прощальные беседы Господа с учениками. Часы третий, шестой и девятый вычитывал в глухом уединенном месте, именуемом им Голгофой, где он мысленно зрел Господа Спасителя, гвоздями пригвождаемого ко кресту.

Одежду преподобный Серафим носил всегда одну и ту же, простую, и даже убогую: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные чулки (бахили), лапти, старую камилавку. На груди был крест – материнское благословение. На спине он носил сумку, а в ней Евангелие.

Свободное от богослужения время о. Серафим употреблял на телесные труды, без коих немислима жизнь иноческая даже и в пустыни: то занимался он огородом, то собирал мох, то готовил дрова, то укреплял берег.

Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои; и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Преподобный добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. В баню преподобный никогда не ходил.

С подвигами преподобный Серафим соединял пост и строжайшее воздержание. Поначалу пищей его был хлеб, и то черствый, который он брал из монастыря раз в неделю. Употреблял он и овощи со своего огорода. Недельным запасом хлеба преподобный делился с разными обитателями Саровского леса – зверями и птицами, которые очень любили его и ходили к нему.

Со временем преподобный Серафим по благословению старца и игумена Исаии и совсем перестал брать из монастыря хлеб, дабы ничем не обременять обители. Так он прожил около трех лет. Саровская братия недоумевала: чем же подвижник питается в глухом лесу? Это открылось лишь незадолго до его кончины. В разговоре с одной дивеевской сестрой старец Серафим сказал, что эти три года он питался одной травой снытью: «Я сам себе готовил кушанье из снитки. Ты знаешь снитку? Я рвал ее, да в горшок клал. Немного вольешь, бывало, в него водицы – славно выходит кушанье. На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался. А я снитку ел... И о сем братии не открывал».

Так проводил преподобный Серафим свою жизнь в будни. А накануне воскресных и праздничных дней он приходил в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за ранней литургией в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем оставался в монастыре до вечерни. В это время он принимал приходивших к нему за советами и утешением монахов и богомольцев. Когда же братия уходила к вечерней службе, незаметно возвращался в свою любимую пустыньку.

В течение же первой недели Великого Поста он все время проводил в монастыре, не вкушая пищи до самого причащения в субботу. Духовником его по-прежнему был старец, о. Исаия – настоятель Саровской обители.

Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Преподобный Серафим жил в совершенном одиночестве. Иноков, желавших с ним пустынножить, преподобный не гнал от себя, но принимал ласково и благословлял на подвиг; однако ни один из них не мог вынести тягостей этого подвига, и все возвращались назад в монастырь.

В то же время в Сарове говорили: «В пребывание его в пустыни вся братия была его учениками».

Искушения и страхование от бесов

В своем пустынножизненном житии преподобный Серафим не избежал и многих искушений. Одним из них было нарушение пустынного безмолвия преподобного. Узнав об удалении его в пустыню, народ стал посещать преподобного там. Особенно женщины, привлекаемые молвой об отшельнике, и побуждаемые своими скорбями, скоро нашли к нему дорогу и стали нарушать его безмолвие.

Чтобы оградить себя от них, преподобный Серафим решил совсем не принимать никого, особенно женщин. Однако он сначала усердно помолился Господу и Пресвятой Богородице: есть ли на то воля Божия, чтобы оставлять людей без назидания и утешения? Для удостоверения он дерзновенно испросил знамения: «Если Богу это решение угодно, то пусть путь к его келье закроют деревья».

Как раз наступал праздник. Отец Серафим пошел по обычаю в монастырь. И вот при спуске со своей Афонской горы он увидел, что сосны склонились и завалили тропинку. Батюшка пал на колени с благодарностью к Богу за чудное знамение и поспешил в обитель к литургии. Служил о. Исаия. Отец Серафим стоял в алтаре.

После Херувимской песни он благоговейно приблизился к своему духовному отцу:

– Батюшка, отец строитель! – промолвил он кратко. – Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа.

Отец Исаия, расстроенный подобной просьбой, ответил:

– В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

– Теперь-то и благослови, батюшка, – продолжал просить преподобный.

– Как же я могу за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа? – возразил о. Исаия.

– Вы только благословите, батюшка, – настаивал о. Серафим, – а уж никто из них не взойдет на мою гору!

Тогда отец настоятель велел подать икону Божией Матери «Блаженное Чрево» и, благословив его, сказал:

– Благословляю, чтоб не было женам входа на твою гору. А ты сам охраняй!

Преподобный поцеловал святую икону и отошел. Причастившись Святых Тайн, он ушел в пустыньку и завалил дорожку колодами. Вход к нему теперь был закрыт.

Если же подвижник встречался с кем в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно отходил в сторону. Даже саровская братия, зная о благо-

словении настоятеля и любви преподобного к уединению, старалась не беспокоить его в лесу

Но, чтобы укрепить Своего подвижника в молитвенном духе, премудрый Господь попустил ему еще испытание – страхования бесовские. По рассказам преподобного саровской братии, во время молитв в лесной пустыни вдруг слышал он страшный звериный рев, потом невидимая толпа с шумом выломала дверь кельи и бросила в комнату громадное полено, которое смогло из нее вынести лишь 8 человек. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны, и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с яростным и диким ревом. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Иногда злые силы, ибо это были их нападения, поднимали Серафима на воздух и со страшной силой ударяли об пол. Если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. «Подобные искушения диавола, – говорил впоследствии о. Серафим, – подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится, так-то и на врага дьявола: стоит только оградить себя крестным знамением – и все козни его исчезают совершенно».

После страхований в духовной жизни о. Серафима появилось новое искушение. Не сумев изгнать подвижника из пустыни с помощью страхований, дьявол искусил его любоначалием. Поводом послужило следующее обстоятельство. Саровский монастырь в то время пользовался уже славой строгого устава и высокой жизни монахов. Поэтому не раз уже обращались к нему за устроителями и настоятелями для обителей других епархий. Не мог тем более укрыться от взоров человеческих и пламенный Серафим. И вот в 1796 году ему предлагают быть настоятелем Алатырского монастыря Самарской губернии с возведением в сан архимандрита. Преподобный отклонил это лестное приглашение и упросил о. Исаию избавить его от этого. На его место был послан инок Авраамий.

Вскоре после этого враг с адскою злобою напал на святого, воздвиг в нем бурю мысленной брани – хульных помыслов и уныния. Тогда преподобный Серафим решился предпринять новый подвиг – столпничество.

В лесу, приблизительно на полпути между кельей и монастырем, в стороне от дороги лежал огромный гранитный камень. Каждую ночь о. Серафим приходил сюда и, стоя или склонясь на колени, с воздетыми к небу руками, взывал непрестанно: «Боже, милостив буди ми грешному!» А другой камень преподобный втащил в свою келью и там молился днем, чтобы не видели его люди. В таком великом подвиге он провел тысячу дней и тысячу ночей, отрываясь только для необходимого отдыха и подкрепления себя пищей.

Об этом подвиге преподобный молчал. Но все же молва дошла до епископа Тамбовского, и впоследствии он запросил игумена Нифонта.

Сохранился отзыв Нифонта, в котором он пишет: «О подвигах и жизни отца Серафима мы знаем. О тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно».

Лишь незадолго до кончины своей, по примеру многих других праведников открывая некоторые обстоятельства своей жизни, великий старец поведал об этом молении некоторым из саровской братии. Один из них в удивлении сказал: «Это – выше сил человеческих». Отец Серафим ответил ему: «Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?» Собеседник заметил, что, вероятно, благодать помогала ему. «Да! – ответил старец. – Иначе сил человеческих не достало бы». Потом добавил: «Когда в сердце бывает умиление, то и Бог бывает с нами». Этим подвигом и благодатным умилением преподобный преодолел беса тщеславия и уныния, и вошел на чрезвычайную высоту молитвенного духа.

Преодолев и победив искушение, и получив от Бога внутреннее удостоверение о помиловании, святой Серафим снова возвратился к обычной, прежней, но еще более внутренне напряженной духовной жизни. Только теперь на всю его жизнь здоровье уже значительно ослаблено. Особенно же стали болеть ноги.

Однако искушение повышением снова повторилось после великого подвига. Отцу Серафиму предложили второй раз настоятельство в Краснослободском Спасском монастыре.

И преподобный спокойно, но решительно отклонил новое предложение, точно оно не его касалось уже.

Нападение разбойников и явление Божьей Матери

Во всех искушениях и нападениях на преподобного Серафима дьявол имел целью удалить его из пустыни. Не одолев святого борца внутренними искушениями и страхованиями, он напал на него внешне. Это случилось уже через десять лет пустынножительства, 12 сентября 1804 года.

Однажды о. Серафим рубил в лесу дрова. К нему подошли три неизвестных крестьянина и нагло стали требовать денег:

– К тебе ходят мирские люди и деньги носят!

– Я ни от кого ничего не беру, – ответил старец.

Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этого они несколько робели.

Преподобный обладал большой физической силой; и, кроме того, он был с топором и мог бы защищаться. Мысль эта, – как он после рассказывал, – даже мелькнула у него в уме, но тотчас он вспомнил слова Спасителя: *взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26: 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложив крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно».

Тогда один из крестьян, подняв с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь, и он без памяти упал на землю. Они продолжили бить преподобного топором, дубиной, топтали его ногами. Затем они потащили его к келье, надеясь, что он там придет в память и сам укажет деньги. При этом крестьяне даже поговаривали о том, не бросить ли старца в реку. В сенях они связали его по рукам и ногам и стали обыскивать пустыньку: разбили даже печь, разломали пол, но их долгие поиски не дали результата: они нашли только одну икону и несколько картофелин.

Внезапно чего-то испугавшись, они убежали, оставив преподобного Серафима связанным. Отец Серафим пришел в сознание и с трудом развязал себя. Прежде всего, он поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно; помолился, чтобы Бог простил убийц.

Ночь он провел у себя в келье, страдая от ран, а наутро с трудом встал и пошел в монастырь. Он пришел в обитель во время литургии. Братия ужаснулись страшному виду преподобного: он был весь в крови и грязи, лицо и руки – в ранах, в ушах и устах запеклась кровь, часть зубов выбита, одежда измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам.

Поначалу преподобный не отвечал на расспросы братии. После богослужения он просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника. Им он подробно рассказал о случившемся.

Преподобному пришлось остаться в монастыре. Восемь суток страдал больной невыносимо: он не мог ни пить, ни есть, ни забыться сном. В обители ждали его смерти.

В конце концов, не видя перемен к лучшему, настоятель о. Исаия решил послать в Арзамас за врачами. Врачи, вызванные лишь на седьмой день, нашли его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело покрыто смертельными ранами; лицо и руки избиты, вышиблено несколько зубов. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев.

По старинной методике лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решил рассказать об этом о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье преподобного. Он состоял из трех врачей; с ними было три фельдшера. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, согласившись, что помощь необходимо подать как можно скорее.

С начала осмотра о. Серафим был в сознании; но к концу его он впал в забытие и сподобился дивного видения. С правой стороны постели подошла к нему Пресвятая Богородица с теми же апостолами Петром и Иоанном, как и в первое посещение. Указав перстом правой руки на больного, Она обратилась в ту сторону, где стояли врачи, и произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом посмотрела на о. Серафима и опять сказала апостолам прежние слова: «Сей – от рода нашего».

Видение кончилось. В это время вошел отец настоятель. Врачи предложили ему пустить кровь больному, омыть раны спиртом и приложить пластыри. Но преподобный Серафим отклонил все это, предаваясь на волю Божию и Пресвятой Богоматери. Нечего было делать, оставили преподобного в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры.

В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал чрезвычайную духовную радость. Потом почувствовал облегчение. В тот же вечер в первый раз после избиения спросил пищи и поел хлеба с квашеной капустой. С того дня он мало-помалу стал поправляться, но следы избиения остались на нем на всю жизнь. Он сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик.

Пять месяцев прожил в обители подвижник. Отец Исаия и братия советовали ему оставаться здесь совсем, но преподобный Серафим испросил благословение снова возвратиться в любимое уединение. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил преподобного.

Вскоре крестьяне, избившие старца, были найдены. Они оказались крепостными помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Их хотели судить, но о. Серафим, узнав об этом, умолял помещика их Татищева и о. Исаию простить преступников. Вопреки всем, настаивавшим на наказании крестьян, преподобный заявил: «В противном случае, я оставлю Саровскую обитель и уйду в другое место».

Строителю же, о. Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Просьбу преподобного Серафима исполнили. Но Бог Сам наказал разбойников: их жилища сгорели. Тогда, раскаявшись, они пришли к о. Серафиму и просили у него прощения. Преподобный Серафим простил их и снова начал свою пустынноческую жизнь.

Кончина игумена Исаии и подвиг молчальничества в пустыне

Прошло двенадцать лет пустынножительства преподобного. В то время настоятель Саровской обители о. Исаия по старости и слабости здоровья решил уйти на покой. Когда о. Исаия был здоров, он сам ходил в пустынь к о. Серафиму. Когда он сложил с себя должность, о. Серафим был избран братией в настоятели. Это было уже третье предложение ему: кроме Алатыря его хотели назначить строителем еще в Краснослободский Спасский монастырь. Но после подвига на камне пустынник твердо и спокойно отклонял подобные предложения.

Тогда настоятелем был избран иеромонах Нифонт, который поступил в обитель при игумене Пахомии, через девять лет после вступления в нее отца Серафима. До избрания о. Нифонт исполнял в Сарове послушание казначея.

Последний год жизни о. Исаия часто посещал преподобного в пустыне. Сам он уже не мог ходить, и братия возили его на тележке. В 1807 году о. Исаия мирно почил. В лице старца Исаии ушел из жизни последний духовный руководитель преподобного, восприемник его и духовный друг.

Преподобный Серафим всю жизнь хранил к нему, как и к другим своим старцам и друзьям, глубокое почитание как к угодникам Божиим. «Когда идешь ко мне, – наставлял он впоследствии начальницу Ардаатовской общины, мать Евдокию, и многих других, – зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и прочих; и потом припади ко гробу, говоря про себя: «Простите, отцы святии, и помолитесь обо мне». Это – «огненные столпы от земли до небес». И сам он, приходя в монастырь, сначала шел к любимым отцам своим на могилки. Так отошли в вечность его близкие. Точно осиротел преподобный. Новый настоятель был для него далеким духовно.

Стремясь подвигом смирить печаль души, о. Серафим приступил к новому деланию – молчальничеству, по примеру святых Арсения Великого и Иоанна Молчальника.

К тем немногим посетителям, какие все же изредка посещали его, он перестал выходить совсем. Когда встречался кто из братии ему на пути, то преподобный падал лицом к земле и так оставался, пока не проходил посетитель. По болезни ног он реже стал посещать монастырь: не всегда ходил туда даже и в праздничные дни.

Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный.

Вошедши в сени, послушник произносил обычную монашескую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Преподобный внутри говорил «Аминь» и отворял келью. Сложив руки на груди, потупив глаза в землю, не благословляя даже пришедшего, о. Серафим становился у дверей. Послушник кланялся ему в ноги, ставил пищу на стол в сенях. А преподобный клал туда же или кусок хлеба, или капусты: это означало, что ему нужно принести в следующий раз. Брат снова кланялся в ноги, просил молитв и уходил, не услышав ни единого слова, кроме «Аминь».

Таково было внешнее выражение молчальничества. Значение же и сущность его состояли в отречении от всяких житейских попечений для совершеннейшего служения Богу. Можно сказать, что этот подвиг состоял в безмолвии ума и полной сосредоточенности ума в Боге, погружении в Него и посвящении Ему всех своих мыслей и чувств. Сам о. Серафим впоследствии пояснял: «Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо святой Амвросий Медиоланский говорил, что молчанием многих видел спасающихся, многоглаголанием же – ни единого. И паки, некто из старцев говорит: «Молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия сущь мира сего. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся

приблизить себя к Господу. А Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: «И на кого воззрю, – говорит Он (Ис. 66: 2), – воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго и трепещущаго словес Моих». Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное состояние».

Возвращение в обитель и уход в затвор

Отец Серафим с ухода своего в молчальничество все реже стал посещать монастырь и даже редко причащался Святых Христовых Таин. Прежде он ходил по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Святых Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Братия монастыря стали этим смущаться, на их сторону стал и новый игумен Нифонт.

Он созвал монастырский собор из старших иеромонахов по поводу особого, необычного жития пустынника, и они решили: предложить о. Серафиму, будь он здоров и крепок ногами, по-прежнему ходить в обитель по воскресным и праздничным дням, и причащаться Святых Таин; если же ноги его уже не служат, то возвратиться ему в монастырь на всегдашнее жительство в своей келье.

Это решение должен был передать ему брат, носивший пищу, при первом же приходе к нему в пустыньку. Отец Серафим молча выслушал и отпустил его, не промолвив ни единого слова. Решение монастырского собора было столь неожиданным, что оно застало молчальника как бы врасплох: он привык к послушанию, но есть ли на это и Божья воля? Должно ли оставлять святое и спасительное безмолвие, если и на него он пошел тоже по благословению святых отцов своих – Иосифа, Пахомия, Исаии? Да и легко ли ему теперь, после 16 лет, оторваться от сладкого безмолвия и возвратиться в обитель?

Привыкший к безусловному послушанию, о. Серафим не мог сойти с этой, спасительной для многих, стези. Но еще меньше он мог оставить «блаженное безмолвие». Выход он, подобно Григорию Богослову, нашел в среднем пути: он решил жить в монастыре, как бы в пустыни, быть вместе с другими телом, но безмолвствовать духом. Преподобный решил жить в обители – в затворе: так сочетаются и внешнее послушание и внутреннее безмолвие. Лишь увеличится сила подвига, ибо в монастыре хранить безмолвие духа, даже в затворе, будет труднее.

Брат передал настоятелю, как дело было. Отец-настоятель, может быть, узрел в этом молчании признак своей воли, велел послушнику в следующее воскресенье повторить ему решение собора.

Принеся пищу на будущую неделю, послушник повторил предложение. На этот раз о. Серафим благословил брата и вместе с ним пришел в монастырь. Это было 8 мая 1810 года, после 15-летнего пребывания о. Серафима в дальней пустыньке, на 51-м году его жизни.

Вступив в монастырские врата, после 15-ти летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем, до наступления все-нощной. Когда ударили в колокол, преподобный явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Весть об этом быстро распространилась среди братии: удивились, но и обрадовались они, что батюшка решился опять жить среди них.

Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день преподобный Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Святых Христовых Таин, а оттуда направился к отцу игумену Нифонту, и получил от него благословение жить в затворе в своей монастырской келье. После этого пошел он в свою прежнюю келью и затворился в ней.

Жизнь его и внутренне и внешне проходила приблизительно так же, как и в пустыньке.

Разница заключалась лишь в том, что он уже никого решительно не принимал, ни с кем не говорил. Кроме того, он не мог уже по-прежнему заниматься здесь и физическим трудом, уделял этому лишь малое время. И потому весь и всецело отдался только молитве, богомыслию, чтению слова Божия и святых отцов, освободившись от всяких иных забот и попечений.

Келья его была узкая, тесная, два маленьких окна ее выходили на овраг. Постелью служил мешок с песком и камнями, обрубок пня заменял сиденье. Кучка дров лежала перед печкой,

которая никогда не топилась. Для себя отец Серафим не употреблял огня, и только перед иконой Божией Матери «Умиление», которую он называл «Всех радостей Радость», горела неугасимая лампада.

Питьем его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да кислую капусту. Все это доставлял ему живший рядом с ним по келье монах, о. Павел. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном; и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимая пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо себе под полотном. Случалось так, что старец и вовсе не являлся брату; и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Одеждой преподобному служил неизменно один и тот же белый холщовый балахон и черная крашенная шапочка. На груди его висело медное Распятие, благословение матери; а на плечах, под балахоном, он носил для умерщвления плоти, поддерживаемый веревками, большой пятивершковый железный крест. Вериг и власяницы он никогда не носил, и говорил впоследствии вопрошавшим его о пользе ношения вериг: «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница».

Нес преподобный и другие подвиги. Как и в пустыньке, о. Серафим совершал все ежедневные службы, кроме литургии, и выполнял свое келейное правило. В остальное время он предавался подвигу умной молитвы, творя попеременно то молитву Иисусову, то Богородичную.

Занятие словом Божиим во время затвора, естественно, было увеличено, так как труд нести было невозможно и, следовательно, оставалось свободное от молитв время. Как рассказывал он впоследствии: «Вот я, убогий Серафим, прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея от начала до конца, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтоб не прочесть Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Икупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному».

Во время чтения Священного Писания преподобный часто погружался в продолжительное созерцание Господа умом и удостаивался дивных видений. Вот что он рассказывал впоследствии послушнику Ивану Тихонову: «Однажды я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: *в дому Отца Моего обители мнози сущи* (Ин. 14: 2). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители, и молил Господа, чтобы Он показал мне их. Пять дней и пять ночей провел я в бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: я был восхищен в эти обители, только не знаю – с телом или кроме тела, – Бог весть, – это непостижимо, – и видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там». При этом он добавлял: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую угодовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанная, там праведники просветятся, как солнце».

Беседуя с послушником, о. Серафим замолчал, склонился вперед, голова его с закрытыми глазами поникла долу, и простертою дланью правой руки он тихо водил напротив сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет; и, наконец, до того просветилось, что

невозможно было смотреть на него: на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным Ангелом и небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания он как будто что-то созерцал с умилением и слушал с изумлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.